

Взглянув на одежду, испорченную пятнами крови, я вздохнула. Увидь нас сейчас, поднялся бы очередной шум.

С начала моего заточения здесь меня впервые вырвало, а поэтому было бы ещё более удивительным, если бы об этом узнала слабая сердцем Луна. Конечно, если и другие узнают об этом, тоже будет проблема.

Я встала с места, дабы вытереть кровь с рук и подбородка.

— Я могу тебе помочь?

— Всё хорошо. Я её лучше просто в ванной смою. Прошу, приберись здесь, пока я моюсь.

Из-за прекрасного контракта в комнате царил беспорядок. Занавески были задёрнуты, а цветы из ваз с мелкими украшениями сдул ветер, разбросав по полу.

Кроме того, подушки и простыни тоже были разбросаны из-за Ларок.

Ларок кивнула и смущённо рассмеялась, когда я показала на беспорядок.

— И верни контракт стопочкой на стол.

— Ак! Ты правда собираешься всё это прочесть?

— Конечно.

Ларок скривилась, когда я ответила с невозмутимым лицом. Меня уже тошнило от этого, но я была готова заставить себя прочесть сей нечестный контракт, данный мне обманщицей.

Ларок оказалась смущённой, когда поняла, что слова мои не были пустым звуком.

— Как ты собираешься всё это прочесть?

— Ради прочтения я не буду спать всю ночь, так что дай его мне. День, когда я найду что-то странное, станет днём твоих похорон. Поэтому жди его с нетерпением.

Ларок избегала моего взгляда. Пробормотав, что является сильным существом, она наконец достала контракт.

Я не пошла в ванную. Я посмотрела на неё и спросила:

— Ты мог и так вытащить контракт?

Я интересовалась, обязательно ли, доставая контракт, заполонится воздух, однако в этот раз заключённый контракт появился аккуратно сложенным. Без понятия, зачем она устроила ту бесполезную показуху, если могла и так.

— Ага, но он гораздо проще достаётся использованным ранее методом.

Сказала Ларок с очень застенчивым лицом. Мне многое нужно было сказать, но я промолчала. Она тоже не была нормальной.

Я уже было собиралась оставить Ларок и направиться в ванную, как тут услышала стук за дверь. Замерев на месте, мы уставились на дверь.

— Линдел, это я. Могу войти?

— Командир?

Постучавшим человеком оказался Шрейн.

Мы с Ларок встретились взглядами. Внезапный визит Шрейна заставил нас паниковать.

Если он прямо сейчас зайдёт, то увидит Ларок. Никак не объяснить, кто она и как сюда попала.

— Линдел?

— Подождите немного!

Я попыталась сказать Ларок бежать, но та уже пропала.

Как и ожидалось, ведь единственное, что она потеряет, — это исполнителя. После момента облегчения я заметила толстую пачку бумаги, лежащую на моей кровати.

«Зачем ты оставила её здесь?!»

Шрейн ни за что не проигнорирует такую подозрительную стопку бумаги.

Когда я брала контракт и оглядывала комнату, до меня вновь донёсся стук в дверь.

— Линдел?

— Минуточку, пожалуйста!

Я наклонилась и легла на пол, чтобы засунуть его под кровать. Пока прятала контракт, я снова услышала голос Шрейна:

— Что такое?

— Ах, ниче- Аргх!!

Я поспешно встала, боясь, что зайдёт Шрейн, однако в этот момент почувствовала ужасную боль в ноге.

«О боже! М-мой пальчик!»

Мой мизинчик ударился о край кровати. Я не смогла вынести боль, поэтому нагнулась и застонала.

Получая порезы и удары мечом, мне было больно, но удары по пальцам — совершенно иная боль.

Не издавая ни звука, я схватилась за ногу и потрясла её, тогда Шрейн открыл дверь и вошёл.

— Линдел! Что произошло-

Шрейн, который с грохотом распахнул дверь, почему-то замолк.

Из-за этого я, держащая себя за ногу и скулившая, заставила себя поднять голову.

— О-Ох... Вы вошли?

Мне интересно, насколько глупо я выгляжу.

Я ожидала, что Шрейн, потерявший дар речи, с жалостью будет на меня смотреть.

Однако увиденное мною лицо отличалось от моих ожиданий.

— ...Почему ты делаешь это?

Почему-то, смотря на меня, лицо Шрейна было не жалостливым, а шокированным.

Впервые видите, как кто-то ударился пальчиком?

Когда я услышала голос Шрейна, на моём лице появилось странное выражение.

Тогда я не понимала его прерывистый дрожащий голос.

— Линдел...?

— Да?

Надо было умудриться так тупо ответить.

(П/п: В оригинале данная часть повествуется от третьего лица. У английских переводчиков почему-то лицо скачет.)

Если Шрейн Эмфесто о чём-то и сожалел больше всего в жизни, так это о том, что привёл Линдел в Императорский Дворец.

Он всё сожалел и сожалел, ведь из-за его беспечности Линдел повстречала нынешнего Императора.

И сейчас сожаление захлестнуло Шрейна.

— Линдел.

Он не мог скрыть своего дрожащего голоса. Когда он открыл дверь, Линдел облакачивалась на кровать, тяжело дыша.

Лицо и одежда ребёнка были покрыты запёкшейся тёмно-алой кровью, а на бледном лбу выступил холодный пот. Но то, что причиняло Шрейну больше всего боли, нежели эта картина, — это дрожащие глаза Линдел, устремлённые на него.

(П/п: Командир относится к ней как к дочери.)

Глаза Линдел показывали, что она боялась раскрыть ему своё состояние.

Страх. Шрейна опустошил тот факт, что Линдел боялась его.

— Вы вошли?

С осторожностью в голосе спросила Линдел. На её бледном лице появилась слабая улыбка, но Шрейна она не обрадовала.

И тут он услышал чей-то вздох позади себя. Рыцарь, открывший дверь, похоже, тоже стал свидетелем сложившейся ситуации.

Заместо застывшего Шрейна крикнул рыцарь, что позовёт священника. Однако в этот момент Шрейну пришлось посмотреть на лицо Линдел, окрашенное отчаянием.

— Всё в порядке! Не зовите его.

— Но эта кровь...

— Даже если священник придёт, ничего не изменится. Вы и сами это знаете.

Её неловкая улыбка умоляла его не звать священника. Двое мужчин не могли позвать священника при таком её отчаянном виде.

«Ничего не изменится.»

Просто... Сколько надежд разбилось, чтобы эти слова прозвучали из уст Линдел?

Хоть многие священники изучали болезнь Линдел, никто так и не нашёл корень. При этом Линдел казалось раненной. Видя, что она даже священнику боялась показать своё состояние, понять своих чувств он не мог.

Что, чёрт возьми, случилось с этим дитя? Шрейну пришлось приложить все усилия, чтобы его искажённое лицо оставалось невыразительным.

Рыцарь покинул комнату, сказав, что вместо этого приведёт служанку, дабы та помогла ей. Так Шрейн и Линдел остались одни в комнате.

Пока рыцарь не ушёл, Шрейн хранил молчание, не сводя взгляда с лица Линдел.

— Линдел.

Он хотел спросить, сильно ли болит, где и как болит.

Однако Шрейн даже не смог озвучить подобный вопрос.

А всё потому, что он заметил, как уголки губ Линдел слегка задрожали, когда он раскрыл рот.

— Нет. Ничего. Будет лучше, если ты приляжешь, пока не придёт служанка.

Линдел споткнулась, когда Шрейн подошёл помочь ей.

Когда он взглянул на её хромающую ногу, Линдел отвела взгляд и попыталась придумать оправдание.

— Я ударилась ногой о край кровати.

— Да, понимаю. Как скажешь.

Оправдание было довольно слабым. Видя, что всегда уверенный в себе ребёнок даже не мог встретиться с ним взглядом, Шрейн невольно кивнул.

Линдел, которая отказалась лечь, сказав, что с ней всё в порядке, села на край кровати и взглянула на Шрейна. Это позволило ему сразу увидеть состояние Линдел.

Её бледное лицо за неделю сильно похудело, а количество крови на её одежде было необычайно много.

— И часто это происходит?

Поскольку он хотел спросить, то пытался сделать свой голос как можно спокойнее.

Ему хотелось закричать, почему этот ребёнок, эта девочка, так больна.

— Это в первый раз. Обычно такого не бывает.

Линдел улыбнулась, пряча окровавленные рукава за спиной. Словно пытаясь его успокоить, она с невинным лицом притворилась, что с ней всё в порядке.

— Всё только кажется плохо. Я уже много раз вам говорила. Я в порядке.

Линдел храбро улыбнулась.

Ребёнок всё ещё больше беспокоился о нём, нежели о своей боли. Шрейну пришлось плотно сжать рот, дабы сдержать поступающие слёзы.

Когда Шрейн отвернул голову, чтобы не дать волю слезам, он заметил беспорядок в комнате.

Линдел, которая едва ли ходила, не смогла бы это сделать.

Лицо Шрейна помрачнело, когда он догадался, кто за этим мог стоять.

«Император...!»

До своего прихода он слышал, что комнату Линдел посетил Император.

Император вёл себя с Линдел безрассудно, но он не догадывался, что тот может так поступить.

Мысль о том, что Император, возможно, всё это время так обращался с Линдел за его спиной, привела в ярость.

Шрейн не хотел верить в то, что он запер бы больного человека и навещал бы только для того, чтобы совершать зверства. Однако доказательства находились прямо перед его глазами.

Поняв, что Шрейн разглядывает комнату, Линдел поспешно начала оправдываться:

— Я-я здесь очень давно и так устала. В комнате такой бардак, да?

Даже в этот момент Линдел защищала Императора.

Шрейн не смог скрыть своего искажённого лица. Отношения, в которых одна сторона пресмыкается перед другой, — это уже даже не односторонняя любовь.

— Нет нужды этого скрывать. Ты можешь рассказать мне правду.

Когда он спросил серьёзным голосом, Линдел по итогу опустила голову.

Из-за увиденного Шрейну пришлось прикусить внутреннюю плоть. В противном случае он наверняка уже бы вспыхнул.

Он злился на Императора, который сделал Линдел такой, и на себя за то, что не смог её уберечь.

— Линдел, ты по-прежнему влюблена в Его Величество?

— Верно. У меня не получается его не любить.

Несмотря на то, что с ней так обращались, Линдел улыбалась. Вид ребёнка, смеющегося при упоминании Императора, причинял Шрейну боль.

— Но теперь я не одинока.

Однако следующие слова удивили Шрейна.

— Его Величество сказал, что тоже любит меня.

На бледных щеках Линдел появился лёгкий румянец.

Когда Шрейн не смог ответить на неожиданные слова, Линдел, будто поняв, улыбнулась.

— Его Величество сказал это ранее. Разве не потрясающе? Его Величество любит меня.

Голос Линдел повысился, словно от гордости. Но странно было то, что её лицо не выглядело таким же радостным.

— Я так счастлива. Не могу поверить, что он любит меня.

Лицо Линдел не было довольным. А её глаза, устремлённые на пол, казались печальными.

Несмотря на то, что через силу приподнятые губы дрожали, дитя, видимо, считало, что улыбалось убедительно.

— Почему именно сейчас?

Очень тихий голосок прозвучал как вздох, едва ли слышно. Эти слова, словно сказанные самой себе, были, наверное, искренними чувствами Линдел.

Услышав шёпот, похожий на вздох, Шрейн понял. Линдел не могла быть счастливой.

Ребёнок думал о том, что не так уж много времени осталось.

Шрейн почувствовал как его ноги подкашивались от такого печального зрелища.

Его малышка и правда умирала.

Я рассмеялась, лишь услышав упоминание Лионеля, ведь из-за внезапного визита Шрейна занервничала.

Это случилось сразу после того, как я узнала о чувствах Лионеля.

Ситуация, в которой мне признался Лионель, была не очень хорошей, но если смотреть только на саму суть, моё сердце бешено билось. Конечно, я не могла не радоваться.

— Его Величество сказал, что тоже любит меня.

Я хвасталась Шрейну любовью Лионеля.

Говоря об этом, я вспомнила, что Шрейн был одиноким мужчиной, который даже никогда не состоял в отношениях.

«Я не должна быть такой счастливой перед тобой, да?»

Я была очень общительным человеком. Это не должно было прозвучать слишком хвастливо, поскольку я сохранила лицо и удерживала его спокойным настолько, насколько это возможно.

Но я не могла скрыть своей радости и волнения. Я поджала губы, думая, что вот-вот вырвется смех.

Но тут же на ум пришёл контракт Ларок.

— Почему именно сейчас?

Если так подумать, гордиться тут было нечем.

Когда я подумала о Ларок и об её дурацком контракте на одну тысячу семьсот страниц, моя шея заболела. Моё настроение сразу же испортилось.

«Чем тут вообще хвастаться?»

С моей стороны было нелепо позабыть о реальности и опьянеть от радости.

Почувствовав себя подавленной, я вздохнула и подняла голову. Мой взгляд встретился со взглядом Шрейна, который всё ещё смотрел на меня.

— ...!

Лицо Шрейна так исказилось.

«Вы так расстроены из-за моего хвастовства?!»

Его, казалось, обидело моё хвастовство. Как ему не повезло, ведь теперь он смотрел мне в лицо.

Шрейн выглядел злее, нежели я предполагала, и пялился из-за моего хвастовства о том, что мне признались.

<http://tl.rulate.ru/book/49141/2298406>